

Прокопьева Прасковья Егоровна

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ ЮКАГИРОВ

В статье анализируются содержательные, структурные и языковые особенности автобиографических рассказов юкагирского фольклора. Показано, что аксиологические ценности народа связаны с понятиями "труд" и "семья". В структурном плане автобиографии отличаются свободной организацией частей повествования, внутреннее упорядочивание достигается, прежде всего, обращением к темпоральной информации. В языковом отношении тексты характеризуются наличием семантического поля 'жизнь', использованием при описании событий прошлого таксисных глагольных форм.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 3. С. 44-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Материал о жизни и быте аварцев, содержащийся в стихотворениях Г. Цадасы, представляет научный интерес для исследователей-гуманитариев, занимающихся изучением культурно-бытовых особенностей того или иного народа, их материальной и духовной культуры.

Список литературы

1. Гамзатов Г. Г. Гамзат Цадаса. Жизнь и творчество до революции (1887-1917). Махачкала: Дагучпедгиз, 1973. 304 с.
2. Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. Вып. II. 141 с.
3. Майндурова Р. М. Фольклорные традиции в творчестве Гамзата Цадасы: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2007. 181 с.
4. Соколова Л. М. Сатира народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 1953. 323 с.
5. Султанов К. Д. Поэты Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 178 с.
6. Хайбулаев М. Аварские народные пословицы и поговорки в поэзии Г. Цадасы // Гамзат Цадаса. Поэт. Мыслитель. Ученый / сост. А. М. Муртазалиев и М. Н. Набигулаева. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. С. 302-311.
7. Хайбулаев М. Гамзат Цадаса и «Калила и Димна» // Гамзат Цадаса. Поэт. Мыслитель. Ученый / сост. А. М. Муртазалиев и М. Н. Набигулаева. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. С. 285-279.
8. Халидова М. Р. Гамзат и произведения устного народного творчества // Гамзат Цадаса. Поэт. Мыслитель. Ученый / сост. А. М. Муртазалиев и М. Н. Набигулаева. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. С. 345-353.
9. Цадаса Г. Собрание сочинений: в 6-ти т. / сост., автор предисл. и коммент. Г. Г. Гамзатов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. Т. 1. 446 с.
10. Цадаса Г. Собрание сочинений: в 6-ти т. / сост. и коммент. Г. Г. Гамзатова. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. Т. 2. 440 с.
11. Цадаса Г. Собрание сочинений: в 6-ти т. / сост. и коммент. Г. Г. Гамзатова. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. Т. 3. 538 с.

THE AVARS' CUSTOMS AND TRADITIONS IN GAMZAT TSADASA'S POETRY

Nabigulaeva Marzhanat Nabigulaevna, Ph. D. in Philology
*Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa
of Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
nabmar2012@yandex.ru*

The article discusses the problem of the artistic interpretation of the features of the way of life, customs and traditions of the Avars in the creativity of the national poet of Dagestan Gamzat Tsadasa. The works of this cycle are characterized by the wide use of the folk motives, the Avars' folklore, their beliefs and worldview. In particular, G. Tsadasa's characters use proverbs and sayings in their speech, folk figurative expressions, used by the poet with the purpose of persuasion, instruction and education.

Key words and phrases: mountaineers' life and lifestyle; manners; traditions and customs; satire; irony; instruction.

УДК 398.5(=554)

В статье анализируются содержательные, структурные и языковые особенности автобиографических рассказов юкагирского фольклора. Показано, что аксиологические ценности народа связаны с понятиями «труд» и «семья». В структурном плане автобиографии отличаются свободной организацией частей повествования, внутреннее упорядочивание достигается, прежде всего, обращением к темпоральной информации. В языковом отношении тексты характеризуются наличием семантического поля 'жизнь', использованием при описании событий прошлого таксисных глагольных форм.

Ключевые слова и фразы: юкагирский фольклор; автобиографические рассказы; аксиологические ценности; структура; языковые особенности.

Прокопьева Прасковья Егоровна, к. пед. н.
*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
pproe@yandex.ru*

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ ЮКАГИРОВ

Жанровый состав как сказочной, так и несказочной прозы двух малочисленных локальных групп юкагиров – лесных (верхнеколымских) и тундренных (нижнеколымских) – характеризуется неоднородностью. Несказочные произведения представлены у лесных юкагиров, прежде всего, историческими преданиями о межплеменных военных столкновениях и легендами и преданиями о шаманах, у тундренных юкагиров – эпическими сказаниями о богатыре Эдилвее и сказаниями о славных людях. Небольшую нишу у тех и других юкагиров занимают автобиографические рассказы.

Автобиографические повествования составляют несомненный самостоятельный интерес с точек зрения жанровой, этнографической, языковой. Однако не меньшая значимость автобиографий заключается в том, что они репрезентируют жизнь юкагиров их глазами, содержат оценку рассказчиками повседневной действительности и наиболее важных событий.

Первым автобиографические рассказы юкагиров записал в конце XIX в. на Верхней Колыме исследователь юкагирской культуры В. И. Иохельсон. В свою книгу «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» он поместил автобиографию юкагира И. Спиридонова и автобиографический рассказ А. Долганова о летней поездке в г. Среднеколымск [2, тексты № 69, 74]. В определенной степени автобиографическими можно назвать и включенные в сборник рассказы о кочевках и промысле [Там же, тексты № 70, 72, 73].

Как следует из комментариев В. И. Иохельсона, юкагиры рассказывали о себе и своих буднях по его просьбе: «Для того чтобы выяснить способность юкагиров к повествованиям, я заставлял их рассказывать мне о событиях из своей жизни, о путешествиях, кочевках, промыслах и т.д.» [3, с. 301]. Судя по ремарке исследователя, рассказы о собственной жизни как жанровый вид исконно не присущи юкагирскому фольклору и, следовательно, не представляют собой устойчивое явление.

В последующем в труде лингвиста Е. А. Крейновича 1958 г. «Юкагирский язык» [5] публиковалась на русском и юкагирском языках автобиография нижнеколымского юкагира. Еще две автобиографии, записанные от юкагиров Нижнеколымского и Верхнеколымского районов ЯАССР, приведены на русском языке в коллективной монографии «Юкагиры» [11], которая вышла в 1975 г. по результатам комплексной научной экспедиции Института языка, литературы и истории ЯФ (Якутского филиала) АН СССР 1959 г.

Автобиографические рассказы фиксировались также в современное время. Так, в разное время мы записали у лесных и тундренных юкагиров 9 автобиографических текстов, включая рассказы, в которых информанты вспоминали некоторые значимые моменты своей жизни (материалы автора – МА).

Имеющиеся в наличии автобиографии в силу субъективных причин отличаются друг от друга по объему, содержательному наполнению, использованию языковых средств образительности. Несмотря на это и то, что все они были поведаны юкагирами по просьбе собирателей, рассказы обнаруживают некоторые общие черты касательно содержания, структуры и языка, о которых и пойдет речь в данной статье.

В содержательном плане в собственно автобиографиях существенным моментом является акцент на трудовой деятельности, которая неразрывно связана с благополучием семьи. Часто повествования начинаются с описания детства, где важное место отводится совместному труду и самостоятельности ребенка. Дети приобретали трудовые навыки в естественных условиях, наблюдая за ежедневными обыденными занятиями родных и сородичей, сами участвуя при поддержке близких в тех или иных работах.

Информант В. И. Иохельсона И. Спиридонов подробно рассказал ему о своих детских годах, которые соотносены им с овладением трудовыми навыками как показателем дальнейшего роста и постепенного взросления. Когда мальчику исполнилось 5 лет, отец сказал ему, что он сделался «настоящим человеком» и что теперь он должен сам добывать пищу, например ловить рыбу. Будучи подростком, И. Спиридонов промышлял для своей семьи зайцев и куропаток: «Я тем мать-отца кормил» [2, с. 199]. О себе семнадцатилетнем информант высказался так: «На земле движущееся, живое, пернатых птиц – всё убивал. Четвероногих-убивающим человеком стал» [Там же]. Из рассказа видно, что мальчика постепенно учили рыболовному и охотничьему мастерству, связывая умение добывать с приобретением статуса «настоящего человека», могущего прокормить себя и своих близких.

Сопоставление в автобиографии детских лет с определенными трудовыми успехами позволяет провести параллель с текстом, записанным от юкагира А. В. Слепцовой, 1930 г.р., в котором есть следующие строки о взрослении ребенка: «В 12 лет чебачка на удочку ловит, в 13-14 лет на охоту ходит, зайца приносит, дикого оленя добывает, уже охотник-ребенок» (МА, записано в 2000 г. в с. Нелемное Верхнеколымского района Республики Саха (Якутия)¹).

Способность обеспечить едой свою семью как условие перехода во взрослую жизнь отмечается и в других автобиографических рассказах юкагиров.

Рассказывая о своей жизни Е. А. Крейновичу, тундренный юкагир Н. Т. Трифонов говорил, что настораживать капканы, делать петли, охотиться на песцов и гусей его учил дедушка. Когда юноша уже самостоятельно обеспечивал едой семью, у его матери появилась возможность перестать батрачить у богатых: «Теперь ты большой стал, куропаток убивать начал, отделимся от богатей» [5, с. 263]. Впоследствии дедушка подарил ему свое ружье со словами: «Этим ружьем, если человеком будешь, свою долю (свою жизнь) найдешь» [Там же]. В рассказе содержится, помимо выражения о будущности «человеком», и другое образное определение взрослости, которое также подразумевает достижение положения добытчика. Отвечая на вопрос молодого человека о том, почему одни люди богаты, а другие бедны и как бы жить хорошо, дедушка сказал, что внук уже «носит колчан» (переведено на русский язык как «взрослый»), поэтому пусть сам думает о назначении своей жизни [Там же, с. 266].

Роль родственников в становлении себя как охотника, кормильца семьи подчеркнута и в автобиографии верхнеколымского юкагира Е. И. Шадрина, записанной в 1973 г. З. В. Гоголевым: «Когда мне исполнилось 10 лет, сестра учила стрелять. Я стал помогать родителям в их повседневной работе. Охотились на сохатого, медведя, лисиц, белок и др.» [11, с. 198].

Если мальчиков с детства приобщали к охотничьему промыслу, то соответственно распределению труда девочкам поручалась работа по дому: они помогали готовить пищу, шили и чинили одежду, ходили за дровами, присматривали за малышами и т.д. В автобиографическом рассказе нижнеколымской юкагири М. И. Горулиной, записанном в 1959 г. А. Н. Лаптевым, говорится: «Подросши, я стала помогать по дому, собирала сухие веточки для топлива» [Там же, с. 193].

¹ Далее указывается только название населенного пункта.

Трудовое воспитание в контексте исконной деятельности предков, отмеченное в автобиографических рассказах, предполагало усвоение соответствующих культурно-обрядовых традиций. Вместе с производственными знаниями постигались законы охотничьей этики, где отразился целый комплекс разнообразных древних верований и обычаев. Так, Е. И. Шадрин вспоминал: «Отец говорил мне: “Надо делить добычу поровну, иначе будет большой грех”» [Там же, с. 198].

Как видно из автобиографий, собранных в наше время, традиции воспитания в духе любви к труду и сопричастности к общему делу сохранялись и в последующем. А. Е. Шадрина, 1930 г.р., рассказывала о своем детстве, выпавшем на военные годы: «Когда с интерната приезжали, целое лето работали, 11-летние, 12-летние дети. В колхозе тогда картошку, капусту сажали, огурцы в парниках выращивали. Мы по ночам все это поливали, руками воду в ведрах таскали, а там такие крутые берега. Когда рыба приходила, мы, дети, на деревянных шлюпках (тогда железных лодок совсем не было) неводили. Ни один ребенок без дела не ходил» (МА, записано в 2005 г. в с. Нелемное). По воспоминаниям М. И. Турпановой, 1938 г.р., она помогала своей матери, которая работала на распилке дров: «Мы в детстве в лес ходили с мамой, со взрослыми, пешком, ни снегохода “Буран”, ни пилы “Дружба” – ничего не было. <...> Мы помогали, укладывали дрова штабелями» (МА, записано в 2005 г. в с. Нелемное). Интересно, что, говоря о взрослении, М. И. Турпанова дважды применила образное выражение «стать человеком», которое уже встречалось нам ранее в автобиографиях лесных и тундренных юкагиров: «Так, выросши, работая, людьми стали». По всей видимости, выражение следует определять как устойчивый оборот, употребляемый для обозначения человека, приобретшего необходимые для взрослой самостоятельной жизни трудовые познания.

Наряду с основным лейтмотивом автобиографических повествований – трудовая деятельность в детстве и во взрослой жизни, полезная для семьи и сородичей, – в рассказах просматривается связанная с этим мысль о приоритете семейных ценностей. В круг, определяющий их, входит не только воспитание человека, умеющего работать и ответственно подходить к трудовым обязанностям, но и понимание важности семейной жизни, бережное отношение к ребенку.

Рассказывая о себе В. И. Иохельсону, И. Спиридонов описал момент, когда он, будучи вдовым, сватался к женщине с детьми: «Подошедши, я спросил: “Ты тоже вдова. Я тоже вдов. Ко мне пойдешь?”. “Не знаю, я к тебе если б пошла, ругать (меня) будешь, колотить будешь, моих детей не любить будешь?” Я сказал: “Моего ребенка не любить будешь?”» [2, с. 200]. В этом кратком разговоре собеседники сразу расставили акценты, и в центре внимания диалога об их будущей совместной жизни – это их дети.

Рассказчики вспоминают, как даже в самые тяжелые времена родственники поддерживали их, окружали любовью и заботой. Н. Т. Трифионов так описывал помощь со стороны родных, когда те нашли его в тундре голодного, обессиленного в поисках ушедших оленей: «Сколько спал [не знаю]. <...> Потом в моих глазах по светлело. Шесть дней лежал, кушая. Моя старшая сестра одежду для меня сделала, и торбаза, и доху, и шапку, и рукавицы, и передник сделала» [5, с. 265]. Родители пытались баловать своих детей, несмотря на житейские трудности: «Когда мать живая была, очень много одежды покупали. Я старшая была. У меня было несколько зимних пальто, ботинок. Очень хорошо одевали» (МА, записано от А. Е. Шадринной в 2005 г. в с. Нелемное).

Автобиографии, как рассказы о жизни, несут в себе рассуждения об этических и нравственных принципах, которыми нужно руководствоваться для полноценного счастливого бытия. В рассказе Н. Т. Трифинова, в котором, по словам Е. А. Крейновича, представлен «высокий моральный облик человека-юкагира», есть наставление о необходимости жить в мире и понимании со всеми, воспринимать людей на равных – в этом главное богатство и предназначение человека: «Скажу: с человеком будь хорош! Человека не обижай! С ребенком ребенком будь! Со взрослым человеком взрослым человеком будь! Со стариком старику подобно разговаривай. Со старухой старухе подобно разговаривай» [Там же, с. 266]. Вспоминая свою жизнь, А. В. Слепцова говорила: «Это мы, дети военных лет, дорожим любовью и совестью, честностью» (МА, самозапись биографии сделана на русском языке в 2009 г. в с. Нелемное).

Будучи рассказами о собственной жизни, автобиографии композиционно свободны от условностей, характерных для многих других фольклорных жанров. Вступления автобиографических рассказов различны. Они могут напоминать зачины юкагирских мифологических сказок, отсылающих к прежним временам, и рассказов о прошлом – «**раньше** мы – юкагиры были, мама, папа юкагирами были» (МА, записано от М. И. Турпановой в 2005 г. в с. Нелемное) – или эпических сказаний о древних людях, где оговаривается тема повествования [9, с. 28] – «**расскажу**, как я жил (какова моя жизнь)» [5, с. 262]. В начале рассказов говорят о родителях или представляют себя и свою семью.

Структура автобиографических рассказов часто включает описание таких жизненных этапов, как работа, создание семьи, рождение детей. Во многих повествованиях излагаются события, которые рассказчики считают наиболее значимыми в своей жизни и которые произвели сильное впечатление. Как правило, это памятные картины из детства, связанные с близкими людьми, со школьными годами, случаи из охоты и рыбалки. Самые старшие по возрасту информанты затронули темы создания колхозов и Великой Отечественной войны.

Нередко повествования заканчиваются констатацией настоящего, что свойственно многим фольклорным произведениям юкагиров – сказкам и рассказам: «Со своей старухой дом сделали. Теперь там поселились» [2, с. 202]; «После смерти мужа по своим детям езжу, кто увезет, туда еду. На одном месте не живу. Ухаживают за мной, как за ребенком» [11, с. 195]; «Люди на охоту ездят, рыбу ловят, так живут» (МА, записано от Д. П. Борисовой в 2011 г. в п. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области).

В завершение своих рассказов информанты нередко оценивают свою жизнь и время, в которое им выпало жить: «Современная жизнь юкагиров совсем не похожа на их жизнь в дореволюционное время» [Там же, с. 200]; «У нас отца не было. Мать одна, трое нас было. Старший брат еще помогал. Очень плохо жили» (МА, записано от М. И. Турпановой в 2005 г. в с. Нелемное).

Автобиографии могут иметь и другие концовки, оканчиваясь на любом этапе повествования, что неудивительно для рассказов о себе как не имеющих четкое логическое построение текстов.

Структурообразующие тематические части, включающие перечисление основных жизненных ступеней и описание значимых фактов, не всегда излагаются в хронологической последовательности. Нарушение хронологии при рассказе о событиях, происходивших в жизни, отмечалось С. В. Волошиной, исследовавшей речевой жанр автобиографического рассказа на материале говоров Среднего Приобья [1, с. 7]. В силу специфики жанра сегменты рассказа, характеризующегося субъективностью и произвольностью, могут варьироваться, а некоторые из них – отсутствовать. Бывает, что при необходимости рассказчик возвращается к какому-либо событию, дополняя свое повествование новыми деталями.

Последовательность рассказа организуется с помощью различных средств формальной связи.

Как верно отмечает С. В. Волошина, «постоянная апелляция к памяти объясняет функционирование в речевом жанре автобиографического рассказа глагола *помнить* и производных от него слов...» [Там же, с. 9]. В юкагирских автобиографиях наблюдаем, например, следующие предложения, где употребляется глагол «помнить»: «Помню, очень бедные мы были» [5, с. 262]; «Помню еще, что мы кочевали за русскими по местам, где они рыбачили» [11, с. 193].

Автобиографические рассказы, структурирующим показателем которых является обращение ко времени, изобилуют обстоятельствами и обстоятельственными сочетаниями времени: «Одного года будучи, ходить стал» [2, с. 198]; «Прежде у богача много (очень) батрачил» [5, с. 266]; «Когда установилась Советская власть, к нам приехал председатель Колымского окружного исполкома якут Алексей Декселяхов» [11, с. 199]; «В колхозе хорошо тогда было» (МА, записано от А. Е. Шадринной в 2005 г. в с. Нелемное).

Внутренний порядок автобиографий может поддерживаться предъявлением микротем рассказа: «...потом расскажу, по Колыме как люди жили (каково людское пребывание)» [5, с. 262], «Теперь расскажу, как раньше в колхозе рыбу ловили» (МА, записано от А. Е. Шадринной в 2005 г. в с. Нелемное).

Для смысловой завершенности частей рассказов информанты зачастую используют такой прием, как подытоживание определенного этапа жизни, нередко сопровождающееся личной оценкой: «Потом я все стал понимать, большой стал» [Там же, с. 263], «Так людьми стали, начали работать», «Очень трудная жизнь была, плохо жили» (МА, записано от М. И. Турпановой в 2005 г. в с. Нелемное).

Среди лексических и грамматических особенностей автобиографических рассказов называют использование личных местоимений, числительных, временных форм глагола, употребление терминов родства, лексикой, отражающей локальные характеристики, лексических единиц концепта «жизнь» и др. [1]. Сказанное в полной мере относится к жанру автобиографии в устном творчестве юкагиров. Однако, помимо этого, юкагирские тексты обнаруживают и другие существенные признаки.

Прежде всего, лексическую специфику автобиографий составляет наличие синонимов-глаголов с основным значением 'жить', различающихся смысловыми оттенками. У лесных юкагиров это:

1) *модо-* '1) существовать; находиться в процессе жизни; 2) проживать, обитать где-н.'. Заметим, что третьим основным значением слова является 'сидеть (находиться в сидячем положении)'.

В повествованиях в первом указанном значении встречаются также аналитические конструкции с производным от глагола *модо-* причастием *модойуон* 'живущий' и глаголом *оо-* 'есть, быть': *Набаа аллярхайгэ модойуон оодьиши, эрись модойуон оодьиши* 'Очень трудно жили, плохо жили' (МА, записано от М. И. Турпановой в 2005 г. в с. Нелемное);

2) *эндьэ-* 'здороваться, быть живым'. Данный глагол обычно употребляется в контексте, где говорится о пропитании, добывании пищи: *Мэт эчиэ аай икчиннум шашигэт чолзороло, ньатлэбиэлэ. Табудэ эндьэйли* 'Мой отец тоже промышлял из пастей зайцев, куропаток. Тем (мы) жили' [2, с. 199];

3) *льэ-* 'существовать, быть': *...чолгоро, толобок кудэчинумэ. Таат льэйли*. '...зайцев, оленей убивал. Так жили' [Там же]. В близких к автобиографическим рассказам текстах о кочевках и промысле отмечаются также деепричастные формы глагола *льэ-*: *титэльэт* и *таат* льэллэ 'так живя' [Там же, с. 204]. Нужно сказать, что помимо значения 'жить, существовать' глагол *льэ-* обладает еще семами 'находиться где-н.', 'наличествовать'.

В автобиографиях тундренных юкагиров частотны существительные со значением 'жизнь' *сабанэл* и *эдыл*, тоже имеющие различные семантические нюансы, и производящие их глаголы.

Слово *сабанэл* '1) сидение; 2) жизнь; 3) оседлость' от глагола *сабанэ-* '1) сидеть; 2) жить; 3) быть расположенным (о горе)' [8, с. 422] сходно в первых двух значениях с именем действия *модолуол* из языка лесных юкагиров, производным от глагола *модо-*. Сами же глаголы *сабанэ-* и *модо-* из юкагирских диалектов сближаются в таком оттенке значения 'жить', как 'существовать, находиться в процессе жизни'.

Если *сабанэл* определяется больше как 'бытие, существование, житие', то существительное *эдыл*, образованное от глагола *энь-* 'жить, быть живым', вероятно, как и *эдьүүл* из языка лесных юкагиров, имеет значение 'жизнь как процесс'.

В автобиографических текстах тундренных и лесных юкагиров, кроме указанных лексем, есть и другие, также репрезентирующие понятие «жизнь». В своей автобиографии нижеколымский юкагир Н. Т. Трифонов в качестве аналога слову «жизнь» использовал слово *чайлэ* 'день': *Тануллэк мэт-т'ајлэ момоннумуј*

‘Поэтому моя **жизнь** укоротилась (мой день укоротился)’ [5, с. 256, 263-264]. В автобиографии верхнеколымского юкагира И. Спиридонова слово *подьорхо* ‘день’ имеет переносное значение ‘свет, мир’ в контексте темы «рождение»: *Эмэйгэт тинг лэбиэгэ, тинг подьорхонин уульэльдэ, укэйльэльдэ* ‘От матери на этой земле, на этот свет родился, вышел’ [2, с. 198].

Характерным для жанра автобиографического рассказа является присутствие коннотативно направленной лексики. В повествованиях рассказчики часто передают свои эмоции и чувства, что обычно несвойственно фольклорной традиции юкагиров: «До четвертого года, мучаясь, дошел (дожил)» [Там же, с. 200]; «И вот так глядя на огонь, я плакала, тоскуя по родителям» [11, с. 194]; «Сейчас я сижу дома, больная, одна с сыном, осиротевшая, заблудившаяся, старая чайка, потерявшая свое стадо друзей» (МА, самозапись биографии сделана А. В. Слепцовой в 2009 г. в с. Нелемное).

В рассказах о себе лесных и тундренных юкагиров в контексте выражения внутреннего состояния, сокровенных мыслей обозначается связанный с традиционными воззрениями концепт «солнце» как образ светлого и доброго в жизни, как символ самой жизни, как высшее благодетельное божество, к которому обращены в трудные дни молитвы: «Солнце не светит, день не светит, в темноте живу» [2, с. 200]; «Тогда на солнце взглянул, сказал: “Это всего лишь мой [последний] взгляд (мое смотрение), или [еще дальше] жив буду”» [5, с. 264]; «Когда уезжала от своих, глядя на солнце, я говорила себе: ‘О солнце, своих сородичей покидаю!’» [11, с. 194].

В связи с особенностями жанра рассказа о собственной жизни неудивительно использование в повествованиях разнообразных средств художественной выразительности, способствующих созданию зрительного образа, усиливающих эмоциональное восприятие. В текстах обнаруживаются эпитеты, сравнения, метафоры, гиперболы, литоты.

Из переносных значений выделяется оборот из языка лесных юкагиров *кодин кудэйэх* ‘настоящим человеком сделался’ [2, с. 198], который, как говорили выше, подразумевает достижение человеком ступени, когда он способен самостоятельно трудиться, обеспечивать семью. Выражение примечательно тем, что здесь вместо общепотребительного *шоромо* ‘человек’ применено слово, которое есть в языке тундренных юкагиров – *кодэ* ‘человек’. Слово *кодэ* (= *коллэ*) наблюдается в исторических преданиях лесных юкагиров и используется только в значении ‘меня’ вместо формы винительного падежа личного местоимения *мэт* ‘я’ – *мэтул* ‘меня’: *мэткэлэ-коллэ йогортонам* ‘меня заколят копьём’ [4, с. 370]; *кодэ йоулэйрэк* ‘меня пожалей’ [2, с. 136]. Полагаем, данное архаическое слово несет стилистическую функцию, создавая эмоционально-торжественный, возвышенный язык преданий [10, с. 143]. С учетом стилистической и семантической нагрузки слова сочетание *кодин кудэйэх* действительно можно считать устойчивым образным выражением.

В автобиографических текстах нередко используется и такое стилистическое средство, как вопросительно-риторический вопрос, призванный привлечь внимание слушателя, эмоционально воздействовать на собеседника: *Ид’изнэ нэмэлэн? Мит-т’ајлэ!* ‘Теперь что? Наш день...’ [5, с. 260, 268]; *Мородо льэм? Мэт шоромогэт уйдьэбонодьэ!* ‘Чем стал? Я (ведь) от человека рожденное существо!’ [2, с. 200].

Автобиографические тексты юкагиров интересны с точки зрения построения временного пространства. При передаче событий отдаленного прошлого показательные глагольные формы с суффиксами *-ну-*, который, как отмечают исследователи юкагирского языка [6, с. 362; 7, с. 165], интерпретируется также как показатель настоящего времени, и *-нун-*. Суффикс *-ну-* определяется юкагироведами как показатель длительности и обычности действия [6, с. 362] либо как показатель вида действия, продолжающегося в момент речи [7, с. 165]. Суффикс *-нун-*, по мнению Е. А. Крейнвича, участвует в образовании многократного длительного способа действия [Там же]. Согласно Г. Н. Курилову, *-нун-* – показатель вида действия, указывающий на регулярную повторяемость и обычность проявления действия [Там же, с. 166].

В автобиографиях и тундренных, и лесных юкагиров частотны глагольные формы с суффиксом *-ну-*, посредством которого передается длительность действия: *Н’умрэј-қанд’эбан горотин’ эвриэнуни* ‘В течение целой зимы в город ходил’ [5, с. 255, 262]; *Мит тудадэ йукуот огородкэ уйнуили* ‘Мы раньше, когда маленькими были, в огороде работали’ (МА, записано от М. И. Турпановой в 2005 г. в с. Нелемное).

При описании прошлых событий также распространены глаголы с суффиксом *-нун-*, демонстрирующие обычность действия: *Тун-л’уорит’эбанэ т’амуд’э-волод’эк вэлтиэнуунмлэ* ‘На этом игрище большой приз вешали [на дерево]’ [Там же, с. 259, 266]; *Угуйэлмэ ажуон хондышли, хондолло, йоулэмэ кэлуунундышли* ‘Утром рано уходили, уйдя, вечером приходили’ (МА, записано от М. И. Турпановой в 2005 г. в с. Нелемное).

Если для языка тундренных юкагиров характерны глагольные формы с *-ну-* и *-нун-* по отдельности, то для языка лесных юкагиров типично совместное использование этих суффиксов в одном слове, что подчеркивает длительность и регулярную повторяемость действия в минувшем: *Мит саам чисто чуму лэйдиши, ни кимдыэнууннуни, ни ильдиэнууннуни* ‘Мы сами все знали, не дрались, не ругались’ (МА, записано от Г. Б. Шпак, 1943 г.р., в 2011 г. в п. Зырянка Верхнеколымского района Республики Саха (Якутия)).

В целом по жанру автобиографии в юкагирском фольклоре можно сделать следующие основные выводы. Содержательный аспект автобиографических рассказов юкагиров характеризуется аксиологическими ориентирами, обусловленными, прежде всего, трудовой деятельностью и семейными ценностями. Если внешняя структура текстов в силу субъективности рассказов отличается довольно свободной организацией частей повествования, то внутреннее упорядочивание достигается обращением к темпоральной информации, включающей, прежде всего, обстоятельства и обстоятельственные сочетания времени, обозначением микротем повествования, личной оценкой происшедшего. В языковом отношении тексты характеризуются наличием семантического поля ‘жизнь’, включающего также ассоциативные слова, использованием при описании прошлых событий таксисных глагольных форм с суффиксами *-ну-* и *-нун-*, указывающими на длительность действия, присутствием лексики с эмоционально-экспрессивной нагрузкой.

Список литературы

1. Волошина С. В. Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2010. № 2 (10). С. 5-10.
2. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
3. Иохельсон В. И. Народное творчество юкагиров // Север Азии в этнокультурных исследованиях: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В. И. Иохельсона (г. Якутск, 15-16 августа 2005 г.). Новосибирск: Наука, 2008. С. 285-308.
4. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
5. Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 288 с.
6. Крейнович Е. А. Юкагирский язык // Языки Азии и Африки. М., 1979. С. 348-368.
7. Курилов Г. Н. Современный юкагирский язык: учебное пособие. Якутск: Офсет, 2006. 280 с.
8. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
9. Курилов Г. Н. Юкагиры и их фольклор // Фольклор юкагиров / сост. Г. Н. Курилов. М. – Новосибирск: Наука, 2005. С. 12-44.
10. Прокопьева П. Е. Языковые особенности исторических преданий лесных юкагиров (по фольклорным материалам конца XIX в., собранным В. И. Иохельсоном) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 140-145.
11. Юкагиры: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. 244 с.

YUKAGHIR AUTOBIOGRAPHICAL STORIES

Prokop'eva Praskov'ya Egorovna, Ph. D. in Pedagogy

Institute of the Humanities and Indigenous People of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
pproe@yandex.ru

The article analyzes semantic, structural and linguistic peculiarities of the Yukaghir people's autobiographical stories. The paper shows that national axiological values are associated with the conceptions "labour" and "family". In the structural aspect autobiographies are characterized by free organization of the narration elements, the internal order is established, first of all, by applying for temporal information. In the linguistic aspect the author mentions the following typical features: the existence of the semantic field "life", the use of taxis verbal forms while describing the events of the past.

Key words and phrases: Yukaghir folklore; autobiographical stories; axiological values; structure; linguistic peculiarities.

УДК 821.161.1 – 32.09 + 929 Токарева

В статье рассматриваются типы женских персонажей в повестях и рассказах В. Токаревой. Особенностью произведений писателя является наличие в них авторских определений психотипов. В основе таких определений часто лежат сравнения-символы и метафоры. Для женских персонажей автор подбирает символические прозвища: «танк в цветах», «саперная лопата, выполненная Фаберже», «инфузория-туфелька», «эквilibристка», «баржа, потерпевшая крушение в жизненных волнах» и т.д. Среди психотипов наиболее интересно обрисовывается деловая женщина. Интерес к этому персонажу связан с возникновением новых социокультурных обстоятельств.

Ключевые слова и фразы: автор; персонаж; психотип; образ; символ; сравнение; метафора.

Тертычная Наталья Николаевна

г. Луганск

ter-natalia@mail.ru

ТИПЫ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ТОКАРЕВОЙ

Женские персонажи занимают в прозе В. Токаревой центральное место, что вполне логично. Создание женских образов обусловлено в первую очередь спецификой интерпретации писательницей «женской темы» в целом, её личными этическими и эстетическими воззрениями. Кроме того, Токарева учитывает изменения, происходящие в социуме, самое главное – смену гендерных ролей в эпоху «биархата» [5, с. 268] и новые критерии восприятия и оценки женщины социумом.

В. Токарева, размышляя над сложившейся в стране ситуацией, утверждает, что со времен А. П. Чехова проблема полов только усугубилась: «Лопатины нашего времени более циничны. Представители вершинных и тузенбахов потеряли свою духовность. А «сестры» остались по-прежнему прекрасны. Женщины – генофонд нации, и природа их бережет...» [2, с. 36].

Но сразу заметим, что писательница не идеализирует своих героинь, напротив, достаточно часто она прибегает к иронии и самоиронии, говоря о современных женщинах. Так, в рассказе «Ехал Грека» главный герой называет одну из знакомых «современной хищницей, но не в вульгарном понимании: поймать, сожрать» [10, с. 201], женщинам свойственно другое орудие захвата, еще более действенное, чем агрессия и страх, это нежность и преданность.